

УДК 321.022

UDC 321.022

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ КАК РЕСУРС И МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

POLICY OF MEMORY AS A RESOURCE AND MECHANISM OF FORMING POLITICAL IDENTITY

А. А. Сорокин,

*кандидат политических наук, доцент
кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка*

A. Sorokin,

*PhD in Political Science,
Associate Professor of the Department
of Social-Humanitarian Disciplines,
Belarusian State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 26.01.22.

Received on 26.01.22

Статья посвящена анализу политики памяти как ресурса и механизма формирования политической идентичности в цифровом пространстве сети Интернет. Раскрыта сущность, структура и особенности технологической рамки использования политики памяти как механизма формирования политической идентичности в условиях цифровизации.

Ключевые слова: политическая идентичность, политика памяти, цифровизация, виртуальное пространство, символическая политика, национальная безопасность.

The article is devoted to the analysis of policy of memory as a resource and mechanism of forming political identity in digital environment of the Internet. It reveals the essence, structure and features of technological frame of using the policy of memory as a mechanism of forming political identity in the conditions of digitalization.

Keywords: political identity, policy of memory, digitalization, virtual environment, symbolic policy, national safety.

Введение. Актуальность проблемы совершенствования технологического потенциала идеологической работы средствами символической политики обусловлена необходимостью сохранения уникальной белорусской политической идентичности в условиях вызовов цифровизации.

Под влиянием происходящих в глобализирующемся мире культурных и социальных процессов происходит размывание сложившихся моделей национальной идентичности, эрозия и фрагментация исторической памяти, рационального восприятия политической действительности.

Проблема технологического потенциала формирования и сохранения исторической памяти обладает практической значимостью в силу того, что в современном обществе остро стоит проблема кризиса идентичности, связанная не только с замещением реальных социальных практик виртуальными, но и систематическим разрушением традиционных наборов и паттернов политической социализации, культуры и поведения.

По нашему мнению, как на уровне западного политического дискурса, так и на уровне

практики международных отношений существует глобальный мировоззренческий проект по окончательному освобождению человечества от любых форм коллективной идентичности, дискурс, направленный на разрушение любой национальной идентичности и национальных государств как таковых. Сообразно этой деструктивной тенденции размывание самоидентификации белорусского народа как народа государствообразующего приведет к ослаблению внутригосударственных связей, коллапсу управления, а также к неизбежному исчезновению белорусской государственности.

Доказательством этому служат показатели, характеризующие идентичность современной американской молодежи, которые в 2021 г. были опубликованы в исследовании, которое проводил Христианский университет Аризоны. Две трети молодых американцев не верят в Бога, 96 % не имеют христианского мировоззрения, при этом 75 % не видят цели и смысла жизни, 45 % не считают себя патриотами, 29 % считают, что имеют какое-либо психическое расстройство, а 39 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет причисляют себя к представителям нетрадиционных сексуальных меньшинств [1]. Гендерное и идентичностное разнообразие поколения Z говорит о чрезвычай-

¹ Исследование выполнено при поддержке БРФФИ (проект № Г20-053 от 04.05.2020 г.)

чайной текучести, флюидности как основной характеристике американских молодых людей. Значительное число респондентов отказалось четко определять свою гендерную идентичность и сексуальность: так 41 % идентифицируют себя нейтральными, «небинарными» личностями. 48 % отказываются определять себя как гетеросексуалов [2].

На наш взгляд, следует особенно подчеркнуть тот момент, что легализация, пропаганда и социальное стимулирование перверсивного образа жизни и разнообразных форм девиантного психо-сексуального поведения логичным образом приводит не только к отрыву от традиционных ценностей общества и разрушению исторической памяти, но и к разрушению человеческой идентичности в целом. Под влиянием деструктивной пропаганды индивид перестает быть существом, стремящимся познать смысл своего земного существования, а сосредотачивается на низменных и сиюминутных порывах собственной сексуальности.

Постижение места и роли политики памяти в политическом процессе Беларуси является важным еще и потому, что идентичность выступает символической эпистемой, которая консолидирует взгляды политического класса на исторический путь белорусского народа. Отсюда следует, что формирование позитивного имиджа Беларуси в ходе идеологической работы будет испытывать значительные трудности без цельного представления о структуре, содержании и методологическом наполнении понятия «политика памяти», без осознания места и роли фактора самоидентификации в обществах современного типа.

В этой связи проблема сохранения и защиты исторической памяти обусловлена необходимостью формирования такой исторической картины мира, которая бы подчеркивала историческую преемственность белорусского государства с целью укрепления стабильности, успешности и конкурентоспособности национальной политической модели. Защита и сохранение самобытности белорусского народа в этом смысле включает в себя комплекс инициатив и мероприятий по юридическому, историческому и символическому сохранению исторической памяти.

Основная часть. Проблематику политической идентичности в условиях виртуального пространства изучал целый ряд ученых. Среди них можно выделить В. В. Титова [6], О. Ю. Малинова [7], Германа Люббе [8], Л. Г. Ионина [9, 10].

Одним из механизмов, направленных на формирование, закрепление или изменение политической идентичности выступает символическая политика, которая представляет собой публичную политическую деятельность, направленную на производство и внедрение в политический дискурс интерпретационных моделей политической и социальной реальности. Она описывается как «деятельность, связанная с производством определенных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» [3, с. 10].

Символическая политика становится механизмом придания смысла политической деятельности в силу того, что в современном цифровом обществе восприятие политической деятельности выражается не только и не столько в осознании причин и результатов властных решений, нормативных актов, идеологических доктрин, а в трансляции комплекса мифов, символов, установок и стереотипов. Немецкий политолог Томас Майер в этой связи рассматривает «трансформацию политического» как его «изгнание», когда «рациональное понимание, критический дискурс систематически вытесняются из публичных сфер общественной жизни и заменяются инсценированными образами» [цит. по: 4, с. 29].

В рамках своего функционального потенциала символическая политика выступает технологией формирования политической идентичности в ее символической форме, а историческая память обеспечивает смысловое содержание идентичности, составляя матрицу восприятия народными массами исторических сюжетов. В этом смысле память представляет собой совокупность воображаемых представлений о прошлом, об исторических событиях и датах, значимых для граждан страны, для принятия ими своей политической общности на символическом уровне.

Белорусский политолог Л. Е. Земляков указывает на то, что «взаимосвязь памяти и идентичности диалектически взаимообусловлена: память о прошлом лежит в основе формирования коллективной идентичности, которая всегда направлена на общую историю, коллективная идентичность, в свою очередь, во многом формирует саму память» [5, с. 136].

Политика памяти представляет собой комбинированный процесс целенаправленного воздействия на политическую самость, субъектность и субъективность общества

с целью актуализации или забывания исторических событий и на их основе формирования ключевых идентификационных образов, необходимых для репрезентации общества и формирования его символических границ. Рассматривая данный аспект генезиса политической идентичности, следует подчеркнуть, что при помощи политики памяти прошлое интерпретируется не только для легитимации настоящего, но также для создания потенциально позитивного успешного образа будущего, опорными точками которого выступают гражданственность, патриотизм и героизм предков.

Существуя в рамках символического пространства, политика памяти и идеология являются примером различного по своей сути функционирования символических систем. Их фундаментальное различие в сфере интерпретации исторической памяти заключается в механизме формирования и интериоризации ценностных представлений о прошлом.

Если идеологию в процессе построения политической идентичности характеризует стройность, логичность и рациональность в процессе аргументации и апеллирования к историческому прошлому, то при развертывании политики памяти ее технологический потенциал раскрывается в виде мифо-символического изложения, вырабатывающего разделяемые членами группы представления, знаки и ритуалы, соотносящиеся со значимым историческим событием или политической фигурой. Политика памяти выступает механизмом поддержания и воспроизводства символов и значений, которые эклектично соединены в рамках символического универсума не в виде реального прошлого, а коллективного воображения о нем.

Технологическим ресурсом политики памяти выступает не сама история, а представления о ней. Политика памяти, в отличие от исторической науки, не ставит своей целью систематически научно и критически реконструировать прошлое. Она затрагивает не эмпирически проверяемые конкретные исторические факты и их оценки, а отношение к прошлому в целом, место «образа прошлого» в структуре политической идентичности. Политические и социальные мифы, выступая нарративами коллективной исторической памяти, сводят сложные и противоречивые исторические процессы к эмоционально-окрашенным и упрощенным схемам.

Используемое политикой памяти историческое прошлое характеризуется неполнотой, избирательностью, ярким эмоциональным наполнением, чуждо рефлексии так как в немалой степени конструируется на основании политических архетипов, стереотипов и установок. Политика памяти представлена набором символических и культурных практик, посредством которых актуализируются или «забываются» как реальные, так и «выдуманные» события исторического прошлого.

С целью конструирования и укрепления политической идентичности идеологическая работа также использует в качестве ресурса историческую память. Но она фокусируется на достижении мировоззренческой и адаптивной функций, выраженных в осмысленном выборе значимых ценностей и моделей конструктивного политического поведения. При этом на уровне массового сознания политика памяти существует в рамках интерпретационного многообразия политических идентичностей, в рамках которых представлен широкий спектр альтернативных трактовок исторических событий локального, регионального и международного уровней. Как пишет Г. Люббе: «Идентичность субъектов может быть изображена только с помощью их историй, поскольку эта идентичность, какова она сегодня, всегда содержит больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени» [8, с. 113].

Задача укрепления и сохранения исторической памяти усложняется тем, что в условиях нарастания процессов дигитализации на уровне исторической памяти кризис идентичности проявляется посредством распада системы политических смыслов, ценностей и символов, итогом которого становится разрушение образа прошлого через девальвацию его позитивных составляющих, очернение настоящего как прошлого в его историческом развитии, а также устранение будущего, которое в рамках такой постмодернистской логики оказывается и вовсе невозможным.

«Восстание меньшинств» как апогей подобного процесса расчеловечивания большинства как носителя политики символического и культурного «угнетения» проявляется в разрушении и дезинтеграции символического политического пространства, в том числе и в сфере политики памяти. Наиболее опасная ситуация возникает, когда подобные меньшинства образуют замкнутые информационные, символические анклавные внутри мультикультурного и поликонфессионально-

го государства, постоянно подвергая атаке любые формы символической и политической интеграции.

В рамках их деструктивной деятельности конструируется и закрепляется такой политический нарратив о прошлом, который стигматизирует и демонизирует носителей консервативных, традиционных ценностей, а также их политические ритуалы и символическую инфраструктуру. Выступая негативным способом репрезентации прошлого, подобный нарратив раскрывается в символической политике как сюжетно оформленное историческое повествование, целью и результатом которого является полное «освобождение человека» от всех форм коллективной идентичности.

Заключение. Использование политики памяти в процессе формирования политической идентичности представляет собой набор разнородных политических и социальных практик, направленных на поиск позитивных оснований образа потенциального будущего, через его потенциальный генезис в историческом прошлом.

Фундаментальной проблемой политической идентичности становится формулирование стратегических приоритетов взаимодействия «политики памяти» и политической идеологии с целью формирования и защиты трансверсальной политической идентичности, через определение механизмов ее внутренней и внешней презентации в прошлом, настоящем и будущем. В такой трактовке политическую идентичность можно представить как набор когнитивных моделей восприятия, понимания и репродуцирования

конкурирующих моделей исторической памяти, а политику памяти как средство поддержания целостности смысловой символической конструкции прошлого посредством использования символов, мифов и ритуалов.

В политической практике информационного противостояния эрозия исторической памяти, искажение национального политического менталитета и утрата гражданами цивилизационной и политической идентичностей проявляется в системной десакрализации ключевых моментов истории страны, дегероизации и откровенной демонизации государственно-политической традиции, а также в систематическом разрушении национального самосознания средствами навязывания молодежи «толерантности» к девиантным формам социального и политического поведения.

В рамках конструирования исторической памяти политическая идентичность – это способ символического и смыслового присутствия субъекта политических отношений в историческом пространстве, который включает в себя когнитивный, репрезентативный и символический компоненты. Задачей государственной политики в области исторической памяти становится конструирование на основе бытующих в обществе фрагментарно артикулированных и неартикулированных представлений, символов, мифов и ритуалов внутренне непротиворечивого, неконфликтного образа генезиса, развития и потенциально возможного будущего Национально-государственного образования с целью недопущения его.

ЛИТЕРАТУРА

1. Barna, G. New Insights into the Generation of Growing Influence: Millennials In America / George Barna // Cultural Research Center at Arizona Christian University – Режим доступа: <https://www.arizonachristian.edu/wp-content/uploads/2021/10/George-Barna-Millennial-Report-2021-FINAL-Web.pdf> : – Дата доступа: 06.12.2021.
2. Burke, S. The Vice Guide to 2030 / Sarah Burke // VICE Voices – Режим доступа: <https://2030.vice.com/identity> : – Дата доступа: 06.12.2021.
3. Малинова, О. Ю. Символическая политика: контуры проблемного поля / О. Ю. Малинова // Символическая политика : сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки ; отв. ред.: О. Ю. Малинова. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 5–17.

REFERENCES

1. Barna, G. New Insights into the Generation of Growing Influence: Millennials In America / George Barna // Cultural Research Center at Arizona Christian University – Rezhim dostupa: <https://www.arizonachristian.edu/wp-content/uploads/2021/10/George-Barna-Millennial-Report-2021-FINAL-Web.pdf> : – Data dostupa: 06.12.2021.
2. Burke, S. The Vice Guide to 2030 / Sarah Burke // VICE Voices – Rezhim dostupa: <https://2030.vice.com/identity> : – Data dostupa: 06.12.2021.
3. Malinova, O. Yu. Simvolicheskaya politika: kontury problemnogo polya / O. Yu. Malinova // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki ; otv. red.: O. Yu. Malinova. – Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenij o proshlom kak vlastnyj resurs. – M., 2012. – S. 5–17.

4. Поцелуев, С. П. Символическая политика к истории концепта / С. П. Поцелуев // Символическая политика : сб. науч. тр. РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки ; отв. ред.: О. Ю. Малинова. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – С. 17–54.
5. Земляков, Л. Е. Историческая память как условие процесса становления белорусской политической идентичности / Л. Е. Земляков // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/235133/1/Земляков.pdf>. – Дата доступа: 06.12.2021.
6. Титов, В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – М. : Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
7. Малинова, О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России : монография / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. полит. науки. – М., 2013. – 421 с.
8. Люббе, Г. Историческая идентичность / Г. Люббе // Вопросы философии. – 1994. – № 4. – С. 108–113. – Режим доступа: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/lyubb_istid.php. – Дата доступа: 06.12.2021.
9. Ионин, Л. Г. Восстание меньшинств / Л. Ионин. – М.; СПб. : Университетская книга, 2012. – 237 с.
10. Ионин, Л. Политкорректность: дивный новый мир / Л. Ионин. – М. : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 112 с.
4. Pocoluev, S. P. Simvolicheskaya politika k istorii koncepta / S. P. Pocoluev // Simvolicheskaya politika : sb. nauch. tr. RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki ; otv. red.: O. Yu. Malinova. – Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyj resurs. – M., 2012. – S. 17–54.
5. Zemlyakov, L. E. Istoricheskaya pamyat' kak usloviye processa stanovleniya belorusskoj politicheskoy identichnosti / L. E. Zemlyakov // Elektronnyaya biblioteka BGU. – Rezhim dostupa: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/235133/1/Zemlyakov.pdf>. – Data dostupa: 06.12.2021.
6. Titov, V. V. Politika pamyati i formirovaniye nacional'no-gosudarstvennoj identichnosti: rossijskij opyt i novye tendencii / V. V. Titov. – M. : Tipografiya «Vash format», 2017. – 184 s.
7. Malinova, O. Yu. Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoj Rossii : monografiya / RAN. INION. Centr social'nyh nauch.-inform. issled. Otd. polit. nauki. – M., 2013. – 421 s.
8. Lyubbe, G. Istoricheskaya identichnost' / G. Lyubbe // Voprosy filosofii. – 1994. – № 4. – S. 108–113. – Rezhim dostupa: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/Article/lyubb_istid.php. – Data dostupa: 06.12.2021.
9. Ionin, L. G. Vosstaniye men'shinstv / L. Ionin. – M.; SPb. : Universitetskaya kniga, 2012. – 237 s.
10. Ionin, L. Politkorrektnost': divnyj novyj mir / L. Ionin. – M. : Ad Marginem Press, 2012. – 112 s.